

ЗАПИСКИ ДОНСКАГО АТАМАНА ДЕНИСОВА.

1763 — 1841.

XVIII.¹⁾

Занятія съ дочерью.—Забота о средствахъ къ жизни.—Вызовъ въ войсковую канцелярію.—Генералы Рѣпинъ, Кожицъ и князь Горчаковъ.—Увольненіе отъ должности.—Формированіе полковъ для экспедиціи въ Индію,—походъ съ ними за Волгу и возвращеніе.—Назначеніе депутатомъ въ Петербургъ.—Поездка въ Москву.—Беклеповъ, Архаровъ, Баклановскій, Татищевъ и Любчанинновъ.—Назначеніе войсковымъ навазнымъ атаманомъ.—Свадьба дочери.

1800 — 1806.

«Въ домѣ я нашелъ моихъ родителей въ добромъ здоровьи и милую мою дочь, которую взяли уже изъ опеки моихъ благодѣтелей, гг. Циммермановъ, хотя нѣсколько рано, но я весьма былъ утѣшенъ успѣхами ея въ наукахъ. Она очень хорошо и правильно говорила по-французски и даже переводила съ русскаго на французской хорошія исторіи, умѣла вышивать и разное вязать — что все конечно нужно благородной дѣвицѣ. Усмотрѣвъ сіе и, какъ отецъ, утѣшаясь, я посвятилъ себя сколько разумѣлъ, чтобъ улутчить ея воспитаніе и напоминать изученное, но видѣлъ себя много незнающимъ. Тогда я обратился съ покорнѣйшею просьбою къ почтеннѣйшей матери моей, дабы научила ее по части экономіи, въ чемъ мать моя, хотя и безъ знанія наукъ, была очень свѣдома. Она не отказала мнѣ, и хотя по старости лѣтъ была согбенна уже, но повела всюду внуку свою

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., т. X, стр. 1—46; т. XI, стр. 379—410; 601—641; изд. 1875 г., т. XII, стр. 27—49.

сама, и всѣ части хозяйства изъясняя, внушала ей что нужно и что и какъ должно предупреждать и сберегать».

«Успѣхи дочери моей и по сей части привязывали меня болѣе и болѣе ее любить. Тогда только я зачалъ разсуждать о моемъ состояніи, т. е. какія средства имѣю къ жизни, и познавать, что отецъ мой, и въ соединеніи всего его имѣнія, небогаты, а раздѣля на двѣ части, — такъ какъ я имѣю роднаго брата, почти однихъ лѣтъ, — я весьма выхожу недостаточнымъ въ средствахъ къ жизни, и милому и единому моему дитяти не сдѣлаю большой помощи къ счастью, почему я рѣшился просить родителей, дабы отдѣлили меня отъ брата, съ которымъ хотя пробыли донинѣ мы друзьями, но какъ у насъ съ нимъ общее имѣніе, то не могъ я что-либо предпринимать особо и съ отважностію улутчить доходъ».

«Но я не долго оставался свободенъ и въ домѣ своемъ: войсковой атаманъ Орловъ потребовалъ меня въ городъ Черкасскъ, по прибытіи куда я получилъ повелѣніе — занять мѣсто втораго члена войсковой канцеляріи, что я и исполнилъ».

«Въ это время были присланы государемъ императоромъ на Донъ, для ревизаціи дѣлъ атаманскихъ и войсковой канцеляріи, генералы Рѣпинъ и Кожинъ — что умножило въ войсковой канцеляріи дѣлъ столько, что хотя всѣ члены оной и трудились каждый день, отъ утренней зари до ночи, но не успѣвали всѣхъ дѣлъ приводить въ порядокъ, тѣмъ болѣе, что генераль Рѣпинъ, занимая въ войсковой канцеляріи первое мѣсто, самъ, по малому знанію порядка судопроизводства, не могъ улутчить и облегчить нашихъ дѣйствій. Вскорѣ онъ, неизвѣстно мнѣ по какимъ резонамъ, былъ смѣненъ генераломъ княземъ Горчаковымъ, которой хотя и показывалъ на словахъ большое познаніе, но также дѣйствіями своими — излишне-ли повелительными или рѣшительными, а часто входя и въ излишне мелочныя дѣла — только увеличивалъ наши труды, а можетъ и потому, что излишне былъ привязанъ къ пріятностямъ жизни».

«Будучи безъ рождыха принужденнымъ трудиться по общимъ войсковымъ дѣламъ, я часто забывалъ о милыхъ моихъ родителяхъ и дочери, стараясь объ одномъ только, чтобы въ точности была исполняема воля государева и чтобы облегчать участь несчастныхъ. Рвеніе и усердіе мое огорчало князя Горчакова, ко-

торой, по честолюбію своему, хотѣлъ, чтобы онъ одинъ только былъ видимъ, и злобился на меня. Онъ искалъ скрытымъ образомъ сдѣлать меня несчастнымъ, чего не найдя, писалъ, — какъ мнѣ извѣстно сдѣлалось послѣ, — къ высшему правительству, что будто я повровительствую старообрядцовъ, а посему и велѣно было меня изъ членовъ войсковой канцеляріи исключить». ¹⁾

«Господинъ войсковой атаманъ Орловъ, зная невинность мою и неуспѣшную дѣятельность, а также уважая и военныя мои заслуги, далъ мнѣ повелѣніе — чтобы я, оставя постъ въ войсковой канцеляріи, спѣшилъ бы въ назначенныя станицы и, составя изъ военныхъ казаковъ тѣхъ станицъ полки, спѣшилъ бы съ оными къ городу Саратову, что на Волгѣ, куда и онъ, со всѣми войска донскаго казаками, слѣдовалъ, что было въ началѣ 1801 г.» ²⁾

«Сдѣлавъ посему нужныя въ сказанныя станицы предписанія и отправивъ оныя изъ города Черкаска съ нарочными, самъ я поспѣшилъ въ домъ свой, въ Нижнюю Чирскую станицу, гдѣ хотя и нашель родителей моихъ и милую дочь въ добромъ здоровьи, но объявленіемъ, что я долженъ спѣшить въ походъ, привелъ ихъ въ трепетъ и чувствительную горестъ; тѣмъ болѣе они сокрушались, что послѣ дальнева и долгаго бытія моего въ Италиі, видѣли меня едва нѣсколько недѣль и должны провожать въ неизвѣстный край».

«Пробывъ тогда дома не болѣе восьми или десяти дней, и какъ отецъ мой имѣлъ домъ въ Нижней Чирской станицѣ, въ которой я нашель готовыми около 1,000 военныхъ казаковъ, то, составя изъ нихъ полкъ, отправилъ его въ назначенный путь, а самъ, простясь съ милыми моему сердцу родителями, дочерью и всѣми родственниками, спѣшилъ въ другія станицы, гдѣ находя всѣхъ уже готовыми, составлялъ полки и отправлялъ одинъ за другимъ. Потомъ поспѣшилъ въ послѣднюю войска донскаго станицу, на р. Бузулугѣ состоящую, дабы тамъ, черезъ которую должны всѣ полки проходить, оныя еще осмотрѣть и обревизовать».

¹⁾ Денисовъ засѣдалъ въ канцеляріи съ 25-го августа 1800 г. по 3-е февраля 1801 года.

Ад. Ч.

²⁾ Полки назначались для экспедиціи въ Индію. См. «Письма императора Павла къ атаману Орлову» въ «Рус. Стар.» изд. 1873 г., т. VIII. стр. 409.

Ад. Ч.

16*

«Такимъ образомъ, составя 11 полковъ и приведя оныя въ возможной, по скорости, порядоку, я спѣшилъ съ оными, безъ роздыха, къ рѣкѣ Волгѣ, въ Саратовской губерніи. Въ этотъ годъ въ оныхъ мѣстахъ снѣга были довольно велики, а въ сіе время зачали оказываться оттепеди; маленькіе логи составляли изрядныя рѣчки отъ растаившаго снѣгу, и мы болѣе брели въ водѣ, нежели видѣли хорошую дорогу, ибо и снѣгъ былъ наполненъ водою».

«Продолжая такимъ образомъ походъ, я нигдѣ съ полками не останавливался, какъ только на ночлеги; дошелъ до рѣки Волги и недалеко отъ города Вольска остановился въ одномъ большомъ казенномъ селеніи, съ тремя передовыми полками, уже поздно. Въ этотъ весь день шелъ небольшой дождь, отчего я боялся, чтобы Волга-рѣка не открылась отъ льда, чѣмъ бы и затруднила помы въ переправѣ. Я приказалъ полкамъ быть готовымъ рано къ переправѣ, а старостѣ селенія приказалъ, чтобы всѣ мужеска пола люди, которые могутъ дѣйствовать, были готовы, съ веревками, которыхъ и нашлось до 300 человекъ».

«Проснувшись рано, до свѣта, первою надобностію я счелъ спросить часоваго—нѣтъ-ли морозу, которой отвѣчалъ, что нѣтъ и дождь идетъ. Тогда вскоча, послалъ съ повелѣніями ардинарцовъ, чтобы помы тотчасъ же выступили къ переправѣ и самъ, потребовавши лошадей, поскакалъ къ онымъ, куда первый и явился. Въ ту-жъ минуту явились ко мнѣ и полковые командиры».

«Тутъ, въ глазахъ нашихъ, не разрываяся, ледъ тронулся и на нѣсколько саженой подался внизъ, однако остановился. Я приказалъ: несмотря на этотъ ненадежный ледъ пробовать идти чрезъ Волгу; мужиковъ, съ веревками, поставить чрезъ всю Волгу, по пяти человекъ вмѣстѣ, придавъ онымъ нѣсколько казаковъ, съ тѣмъ, чтобы ежели близъ оныхъ лошадей или человекъ провалится, давали бы помощь. Человекъ сорокъ, или и болѣе казаковъ, разными мѣстами повелі на ледъ лошадей, которыя всѣ недалеко отъ берега провалились; но какъ были взяты всѣ предосторожности, то ни одна не утонула: всѣ лошади были вытянуты и возвращены на берегъ».

«Казаки смотрѣли на меня въ сокрушеніи и ужасѣ, а я, задумавшись, разсуждалъ: какимъ бы образомъ, не останавливаясь, переправиться? Я видѣлъ, что и по сдѣланнымъ предосторожно-

стамъ многія лошади будутъ проваливаться и, хотя навѣрное полагають, что будутъ вынуты, но ужасала меня мысль, что ежели когда будетъ казаковъ много на льду и оной тронется, то могутъ потонуть и казаки многіе. Въ этотъ моментъ приводятъ во мнѣ моихъ лошадей, которыя были и рослѣе и тучнѣе казачьихъ. Зная, что весною тѣмъ далѣе отъ берега, особливо на большихъ рѣкахъ, тѣмъ крѣпче бываетъ ледъ, и надѣясь на это, приказалъ я вестъ моихъ лошадей впередъ, съ тѣмъ, что ежели изъ нихъ которая и провалится, то чтобы вытягивали и продолжали вести впередъ.

«Лошади мои, хотя ихъ было и болѣе десяти, провалились, а нѣкоторыя проваливались по нѣсколько разъ, но были всѣ вытянуты, и когда доведены были до глубины, то ледъ оказался довольно крѣпокъ. Тогда я приказалъ — съ лутчею отважностію вестъ оныхъ рысью, держась недалеко отъ поставленныхъ мужиковъ, и когда увидѣлъ я, что онѣ пробѣжали уже половину рѣки, и хорошо, тогда приказалъ и полкамъ исполнить то-же, что и сдѣлано было. На другомъ берегу потерпѣли многія лошади тоже, такъ что въ 3-хъ полкахъ было провалившихся болѣе 700 лошадей, но ни одна изъ нихъ не утонула. Только одинъ казакъ нечаянно упалъ и зашибъ себѣ голову, отчего нѣсколько часовъ былъ безъ чувствъ, но скоро приведенъ въ чувство и сдѣлался здоровъ. Всѣ полки часовъ въ четыре, и много въ пять, переправились черезъ Волгу».

«Тогда, расположа оныя три полка по ближайшимъ селеніямъ на квартиры, я сдѣлалъ нужныя предписанія сзади идущимъ полкамъ, чтобы они слѣшили идти къ рѣкѣ Волгѣ и старались до открытія оной ото льда перейти черезъ нее, которые и выполнили въ точности и перешли рѣку безъ всякаго бѣдствія, а самъ я, съ передовыми полками, дошелъ до одного старообрядческаго монастыря, на р. Иргизѣ находящагося, гдѣ вдругъ получаю повелѣніе учинить присягу со всѣми полками принявшему державу, великому государю нашему Александру Павловичу — что въ то-же время и немедленно было исполнено».

«Скоро, въ самой тотъ-же день, получилъ я и другое повелѣніе: возвратиться со всѣми полками въ дома ихъ, о чемъ въ тоже время предписано было мною командирамъ возвратиться къ Волгѣ и находить способы къ обратной переправѣ черезъ оную. Самъ

я остался на квартирѣ, съ моею канцеляріею, для окончанія письменныхъ распоряженій, нужныхъ какъ по донесенію объ учиненной присягѣ, такъ и по распоряженію о будущемъ слѣдованіи полковъ на Донъ. Исполнивши все сіе, я на другой день поѣхалъ догонять полки и нашелъ оныя при переправѣ чрезъ Волгу по одной, можно сказать, льдинѣ. Большая крига, шириною въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ полуверсты и менѣе, крѣпко уперлась въ оба берега, а выше и ниже рѣка ото-льду была уже открыта: казаки, отъ удовольствія, что возвращаются въ дома, отважились по одной кригѣ перейти».

«Хотя тогда было уже менѣе 10-й части не переправленныхъ казаковъ, но считая, что такая переправа была очень опасна, я сдѣлалъ за такую отважность строгой выговоръ полевымъ командирамъ, но когда начали меня просить всѣ остальные казаки чтобъ позволилъ тѣмъ-же способомъ переправиться, то я принужденъ былъ рѣшиться выполнить ихъ желаніе, и самъ по тому же льду перешелъ. Сей опасный мостъ, какъ бы нарочито къ переходу нашему судьбою устроенный, чрезъ 3, а много чрезъ 5-ть часовъ, быстротою воды былъ уничтоженъ. На другой день, рано, принеся Всевышнему, при собраніи всѣхъ полковъ, благодареніе, полки, по назначеннымъ маршрутамъ, пошли къ донскимъ предѣламъ».

«Скоро послѣ сего, не упомню въ которой день, получилъ я повелѣніе отъ г. войсковаго атамана, Орлова, чтобъ распорядить такъ, дабы всѣ полковые командиры, войдя съ полками въ предѣлы донскіе, распустили казаковъ, при офицерахъ, въ ихъ дома и сами бы тожъ отправились въ свои дома; а я явился бы къ нему въ Качалинскую станицу; куда прибывъ, нашелъ уже Орлова въ сказанной станицѣ со всѣми бывшими въ походѣ войска донскаго господами генералами.»¹⁾

«Здѣсь, на третій день, узналъ я, что войсковою атаманъ Орловъ назначаетъ меня депутатомъ для принесенія императору Александру I поздравленія отъ войска Донскаго съ восшествіемъ на престоль. Мнѣ не позволено даже повидаться съ родными, но разрѣшено послать въ домъ. (200 версть отъ Качалинской ста-

¹⁾ По формулярному списку эта командировка завяла время съ 21-го февраля по 15-е апрѣля 1801 года. Всѣхъ Донскихъ полковъ отправлялось въ Индію—20.

ницы) нарочнаго за всѣмъ, что мнѣ нужно для пути въ столицу. На четвертый или пятый день, я, съ двумя другими депутатами, (полковниками: Грековымъ и Иловайскимъ) отправился въ Петербургъ».

«Я пріѣхалъ безъ всякаго особеннаго приключенія; явился по командѣ, какъ слѣдовало, и былъ представленъ къ государю императору. Послѣ, всѣ надобности войска донскаго объяснилъ бывшему тогда генераль-прокурору, Александру Андреевичу Беклешову, которыя государь императоръ рѣшилъ, по представленію войсковаго атамана, въ пользу войска донскаго, о чемъ (я) немедленно увѣдомилъ войсковаго атамана, а самъ, отправивши бывшихъ при мнѣ вышесказанныхъ гг. полковниковъ къ войску (на Донъ) и испрося позволеніе, остался въ С.-Петербургѣ, и нѣсколько мѣсяцовъ неравлучно жилъ въ одномъ домѣ съ дядею моимъ, графомъ Федоромъ Петровичемъ Денисовымъ».

«Когда же государь императоръ предпринялъ короноваться и всѣ чины двора и прочія, должныя тамъ быть, лица начали отправляться въ Москву, дядя мой, графъ Денисовъ, отъѣхалъ въ деревни свои съ предположеніемъ быть тоже при коронаціи въ Москвѣ. И я отправился въ Москву-жъ, куда дядя и я прибыли почти въ одно время».

«Тутъ, бывши на свободѣ, я занимался обсужденіемъ собственнаго моего положенія: видя небогатое состояніе отца моего и что самъ я, возвышаясь въ чинахъ, могу болѣе и болѣе терпѣть недостатокъ и соскучася такое продолжительное время жить внѣ дома своего, рѣшился я искать отставки съ награжденіемъ хотя малаго пенсіона. Я просилъ о семъ тогда бывшаго президента военной коллегіи, г. Лампа, которой хотя милостиво выслушалъ меня и обѣщаль ходатайствовать, но чрезъ короткое время объявилъ мнѣ, что государь императоръ желаетъ, чтобъ я продолжалъ службу и совѣтоваль, чтобъ я не присидя въ отставку, чему я и послѣдовалъ. Однако, объясняя ему небогатое мое состояніе, просилъ, чтобъ во время, когда я буду находиться при домѣ, было производимо мнѣ, по чину моему, жалованье, что онъ обѣщаль искодатайствовать по возвращеніи въ С.-Петербургъ. Оставаясь въ сей надеждѣ, я, послѣ коронаціи, поѣхалъ домой, гдѣ нашель родителей моихъ и дочь здоровыми».

«Видя себя въ уединеніи, не имѣющимъ никакихъ средствъ и

будучи во всемъ зависимъ отъ родителей моихъ, терпя во многомъ недостатокъ и не находя свободы все то улутчить, я искалъ съ должною сыновнею покорностию, чтобъ родители меня отдѣлили, давъ сколько имъ заблагорассудится изъ имѣнія ихъ».

«Я былъ счастливъ, что имѣлъ такихъ родителей, которые умѣли воспитывать дѣтей и снисходить на ихъ нужды; но, по нѣкоторому разсужденію, такъ какъ братъ мой былъ еще не женатый, и ихъ желаніе было, чтобъ мы жили нераздѣльно, чѣмъ бы домашнее изобиліе наше было лутче, наконецъ они рѣшились и раздѣлили насъ, отдавъ намъ все имѣніе недвижимое и скотоводство».

«Получа такое милостивое отъ родителей моихъ награжденіе и видя, что наслѣдница моя, какъ дѣвица и бывъ въ совершенной еще юности, не можетъ управлять съ должною выгодною скотоводствомъ, а я, оставаясь еще въ военной службѣ, могъ быть скоро и внезапно отлученъ отъ дома, рѣшился, не теряя времени, улутчить свое состояніе: всѣ стада—конныя и скотскія—послалъ на ярмонки продать. Черезъ это я собралъ тысячъ 30 денегъ и, испрося позволеніе, поѣхалъ въ Москву. Бывъ въ Тамбовѣ у моего благодѣтеля, г. Циммермана, я совѣтовался съ нимъ—какимъ бы образомъ лутче купить недвижимое имѣніе, по наставленію котораго искалъ и нашель такое имѣніе, которое купить за 75 тысячъ—510 душъ по ревизской сказкѣ, а со вновь родившимися нашель 570 душъ.¹⁾

«Хотя по числу людей оное имѣніе пришло мнѣ недорого, но по доходамъ, тогда бывшимъ, и въ разсужденіи того что я сдѣлался долженъ до 50 тысячъ, имѣніе сіе причиняло мнѣ большое затрудненіе и столько отягощало, что я рѣшился уже продать половину онаго, а улутчить оное я не былъ свѣдуещъ въ экономіи и не имѣлъ времени, тѣмъ болѣе, что, возвратясь изъ Москвы, не могъ больше имѣть времени 3-хъ или 5-ти дней, чтобы принять только оное въ мое владѣніе и слѣшилъ опять въ Тамбовѣ—взять у моихъ благодѣтелей дочь мою, которая, какъ я находился въ Москвѣ, была отпущена къ нимъ (Циммерманамъ) родителями моими, по настоянію самихъ гг. Циммермановъ, любившихъ ее какъ родную свою дочь».

¹⁾ По формулярному списку за 1818 годъ значится у Денисова 837 душъ въ Землѣ Войска Донскаго и въ Воронежской губерніи. А. Д. Ч.

«Я все это сдѣлалъ, и уже когда снѣга разстаяли, весною, возвратился домой. Дождавъ лѣтней дороги, я одинъ поѣхалъ опять въ мое имѣніе, которое есть Воронежской губерніи, Павловскаго уѣзда, недалеко отъ предѣловъ донскихъ, называемое «хуторъ Елизаветовской», а нынѣ переименованъ мною: «слободка Елизаветовка», гдѣ я пробылъ не болѣе 2-хъ мѣсяцовъ и, нѣсколько улутча, оставаясь довольнымъ и тѣмъ, а особо, что тогда же отъ продажи нѣкоторыхъ вещей приобрѣлъ тысячъ до пяти денегъ, возвратился опять въ домъ свой, гдѣ бытность моя была необходима въ разсужденіи малолѣтства дочери моей. Но я не могъ наслаждаться покоемъ въ разсужденіи долговъ, изъ которыхъ половинную часть слѣдовало мнѣ заплатить въ срокъ, чрезъ годъ».

«Слѣдуя всегдашнимъ моимъ правиламъ, чтобъ слово мое было исполняемо всегда въ точности, я искалъ тѣхъ людей, которые были бы денежны и повѣрили бы мнѣ съ отсрочкою на большее время».

«Тутъ я нахожу удобнѣйшимъ мѣстомъ сдѣлать извѣстнымъ случившееся со мною при покупкѣ крестьянъ, въ Москвѣ, гдѣ былъ тогда генераль-губернаторомъ Александръ Андреевичъ Беклешовъ, которымъ, когда я явился, принять былъ благосклонно и тотъ же день прошенъ у него отобѣдать, а когда объявилъ я ему, что я пробуду въ Москвѣ долго, то онъ просилъ, чтобы я бывалъ у него и часто. На третей или четвертый день, (онъ) пригласилъ меня ѣхать съ нимъ въ общее благородное собраніе, по входѣ въ которое встрѣлись мы съ особою большого роста, видною собою и орденами украшенною. Генераль-губернаторъ обошелся съ нимъ какъ съ знакомымъ. Тогда оная особа, обернувшись ко мнѣ, отозвалась какъ знакомая; но я былъ принужденъ признатца, что оную не угадываю. Тогда онъ мнѣ припомнилъ время и Новгородъ. Тутъ я вспомнилъ, что имѣю счастье видѣть Ивана Петровича Архарова и засвидѣтельствовалъ ему должное мое почтеніе. При семъ онъ взялъ меня за руку и связалъ:

— «Я очень радъ, что васъ вижу въ Москвѣ. Я живу здѣсь съ женою и съ дѣтьми, имѣю собственной домъ, и когда вы ко мнѣ пожалуете, всегда буду радъ. Въ особенности прошу бывать у меня въ обѣду и въ вечеру».

«Я не упустилъ это сдѣлать, и на другой день явился у его

высокопревосходительства съ моимъ почтеніемъ, гдѣ и былъ от-
рекомендованъ супругъ его и дочкамъ. Своро послѣ того, на тре-
тей или четвертой день, я имѣлъ случай съ супругою его, Ека-
териною Александровною, играть въ обыкновенную мою, малень-
кую игру, бостонъ, при какомъ разѣ сія препотеннѣйшая дама
начала меня спрашивать съ материнскимъ вниманіемъ о мно-
гихъ обстоятельствахъ, до меня относящихся. Когда дошла матерія
о случаѣ, по которому я пріѣхалъ въ Москву, и когда я ей въ
томъ объяснялся, то она мнѣ сказала:

— «Да, я слышала отъ мужа моего, что вы пріѣхали поку-
пать крестьянъ, и вѣрно съ деньгами?»

«Это правда», — отвѣчалъ я.

— «Вы стоите въ трактирѣ, гдѣ людей много, а деньги не
въ большой шкатулѣ, которую, ежели злодѣй не захочетъ ло-
мать, можетъ, и весьма удобно, унести».

«Другого способа не имѣю ихъ хранить», — отвѣчалъ я.

— «Какъ же ты, котораго мужъ мой полюбилъ какъ друга,
не отдашь мнѣ твоихъ денегъ на сбереженіе, которыя бы я по-
ставила тамъ, гдѣ хранятся мои лутчія сокровища и гдѣ ежели
мое имѣніе будетъ цѣло, то и ваши деньги не будутъ украдены».

«Видя таковое отъѣнное одолженіе, я благодарилъ ее самымъ
чувствительнымъ образомъ и просилъ кончить нашу игру и поз-
волить (мнѣ) ѣхать за моею шкатулкой. Не теряя минуты, по-
скакалъ я въ мою квартиру и возвратился поспѣшно съ шкатул-
кою, которую, представя, просилъ поворнѣйше — приказать по-
ставить гдѣ ей заблагоразсудится, что она, призвавъ управляю-
щаго домою, и сдѣлала».

«Его высокопрев-ство Иванъ Петровичъ (Архаровъ), при по-
купкѣ мною крестьянъ, совѣтами своими и наставленіями сдѣ-
лалъ мнѣ очень много таже одолженія. Когда уже я сторговалъ
то имѣніе, которое купилъ, и уже написана была договорная,
вышелъ у насъ съ продавцомъ отъ недоразумѣнія споръ: я, ос-
таваясь ему должнымъ 22 или 24 тысячи, полагалъ обезпечить
оня залогомъ тѣхъ же купленныхъ мною крестьянъ, а прода-
вецъ хотѣлъ, чтобъ я представилъ ему изъ московскихъ жителей
вѣрныхъ поручителей и, конечно, не соглашался на мои пред-
ставленія. Не имѣя ни родства, ни короткой дружбы съ кѣмъ-
либо изъ московскихъ жителей и чтобъ не упустить покупкою

того имѣнія, я, хотя и съ большимъ затрудненіемъ, принужденъ былъ открыться его высокопрев-ству Ивану Петровичу Архарову—на что онъ съ благосклонностію показалъ свою готовность. Но продавецъ, когда я ему объявилъ о томъ, отказался, представляя, что онъ такъ великую особу не смѣетъ принять за моего поручителя».

«Не зная, что въ такомъ случаѣ дѣлать, я открылъ о сихъ моихъ затрудненіяхъ очень мнѣ знакомому, генераль-маіору Михаилу Алексѣевичу Баклановскому, который женатъ на дочери полковника Жукова, съ которымъ былъ я также знакомъ и часто бывалъ въ домѣ его».

«Въ одинъ вечеръ, бывъ въ домѣ у г. Жукова, пріѣхали туда-жъ два незнакомые мнѣ господина, которые съ хозяевами обошлись какъ свои. Занимаясь бостонною игрою, я долго не былъ внимателенъ къ пріѣзжимъ симъ особамъ; наконецъ увидѣлъ, что они съ генераломъ Баклановскимъ что-то въ особенности говорятъ и поглядываютъ на меня. Когда-жъ кончили мы игру, то генералъ Баклановскій познакомилъ меня съ ними. Тутъ я узналъ, что это господа Татищевы, дядя съ племянникомъ; послѣдній гораздо моложе былъ, среднихъ лѣтъ, очень ловкая и стройная особа, и мнѣ весьма понравился. Это былъ отставной гвардіи поручикъ, Александръ Алексѣевичъ. По окончаніи игры, какъ я былъ свободенъ, я мысленно занимался моимъ дѣломъ и сдѣлался задумчивъ. Въ эту минуту сказалъ мнѣ генералъ Баклановскій:

— «Не думай много, генералъ; все будетъ хорошо».

«Съ этимъ я и поѣхалъ на свою квартиру. На другой день гг. Татищевы и Баклановскій пожаловали ко мнѣ. Александръ Алексѣевичъ Татищевъ просилъ меня къ нему тотъ же день на обѣдъ, представляя, что супруга его хочетъ въ особенности со мною познакомиться; въ чемъ, конечно, я ему и не отказалъ. Пріѣхавъ, я былъ принятъ хозяевами ласково, и даже дружественно, и когда сѣли, до обѣда еще, играть въ бостонъ, хозяйка дома, которая также участвовала въ игрѣ, сказала супругу своему, примѣтивъ конечно что я былъ нѣсколько задумавшись, чтобъ онъ мнѣ открылъ то, что вознамѣрился сдѣлать; при чемъ онъ объяснилъ такъ: что, вчера, узнавши отъ генерала Баклановскаго, что я покупаю имѣніе и имѣю большое затрудненіе въ поручительствѣ по нѣкоторымъ сдѣлкамъ съ продавцомъ.

слишкомъ на 20 тысячъ рублей, онъ былъ въ тотъ же день у тестя своего, въ отставѣ бригадира, г. Любочанинова, и разсказалъ ему исторію мою, касающуюся до покупки имѣнія. На это послѣдній сказалъ: «какъ же это можетъ быть, что благородной человѣкъ, дослужась въ полкъ за отечество до генеральскаго чину, пріѣхалъ за добрымъ дѣломъ и въ матушкѣ Москвѣ не находитъ себѣ помощи? Поѣзжай завтра къ нему рано и скажи — что я поручкою, а въ случаѣ ежели бы продавецъ не согласился на это, то заплачу наличными деньгами, въ годъ, безъ процентовъ. Александръ Алексѣевичъ на эти слова ему отвѣтилъ, что онъ старъ, а замѣнить его онъ самъ. Г. бригадиръ согласился и подтвердилъ ему, чтобы онъ непремѣнно исполнилъ, и — онъ былъ уже у продавца, говорилъ съ нимъ о семъ дѣлѣ и согласилъ его на оное».

«Слышавъ все сіе, я былъ не то что обрадованъ, но даже удивленъ такимъ благороднымъ поступкомъ, благодарилъ его чувствительнѣйшимъ образомъ и просилъ его, чтобы онъ поѣхалъ со мною къ г. Любочанинову. По пріѣздѣ къ нему, по короткомъ объясненіи, также я его благодарилъ и просилъ ихъ обоихъ, чтобы они сдѣлали законное со мною обязательство о принятіи въ залогъ купленныхъ мною крестьянъ. Они однако отъ того отказались, сказавши: «мы вѣримъ вашему честному слову». Считаю поступокъ сей какъ рѣдкую добродѣтель, поставилъ я себѣ въ долгъ въ подробности объяснить оной и вѣчно остаюсь за него благодарнымъ».

«И такъ, живя дома займомъ въ долгъ столькой суммы, которую слѣдовало мнѣ чрезъ годъ уплатить, я въ срокъ отправилъ оную куда слѣдуетъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, чрезъ письма, благодарилъ моихъ благодѣтелей и увѣдомилъ, что сумма, въ которой они обязались за меня, мною уплачена».

«Между тѣмъ, занимаясь всегда улутченіемъ воспитанія моей дочери, которая, по моему положенію и молодости своей, требовала неотлучнаго моего присутствія, среди сихъ домашнихъ заботъ моихъ, въ 1805 году, неожиданно и сверхъ желанія моего, получилъ отъ г. войсковаго атамана, Матвѣя Ивановича Платова, предписаніе — прибыть къ нему въ Черкасскъ и принять должность войсковаго наказнаго атамана, а его превосходительство отправился въ С.-Петербургъ».

«Вступивъ на такъ высокой, многотрудной и совсѣмъ мнѣ незнакомой постъ, я былъ принужденъ какъ бы вновь учиться грамотѣ, занимаясь ежедневно множествомъ письменныхъ дѣлъ, нарядомъ на службу войскъ и инспектированіемъ отходящихъ на службу и приходящихъ съ оной полковъ, и съ особымъ вниманіемъ я долженъ былъ наблюдать войсковой канцеляріи за вторымъ членомъ, г. генераломъ Курнаковымъ, котораго, по общему всѣхъ жителей донскаго войска заключенію, разумѣлъ я хитрымъ, лукавымъ и сребролюбивымъ. Стараясь, чтобы дѣйствія мои были согласны съ правилами законовъ и сколько можно лучше, я не имѣлъ уже времени заниматься имѣніемъ моимъ, и еще не получая никакихъ денежныхъ для жизни своей подкрѣпленій болѣе какъ только по чину генераль-маіора жалованья, а на жизнь принужденъ былъ издерживать по своему должностному положенію болѣе нежели состояніе мое позволяло, хотя удалялся не только роскоши, но часто и нужнаго не имѣлъ, чѣмъ и умножилъ мои долги нѣкоторою суммою».

«Но дочь мою я однако же не могъ забыть: положеніе ея, при больной матери и при находящейся въ глубокой старости бабушкѣ, дѣлало ее какъ-бы осиротѣвшею. Поэтому, вдовствующую сестру мою убѣдилъ я поворнѣйшею просьбою, чтобы она съ нею ко мнѣ пріѣхала, въ чемъ она, по добродушію своему, и не отказалась. По пріѣздѣ ихъ ко мнѣ, скоро явился отставной полковникъ Егоровъ, съ предложеніями, чтобы я выдалъ за него въ замужество дочь мою, которая также объявила мнѣ, что она готова повиноваться моей волѣ, ежели я согласенъ выдать ее за него. Я исполнилъ ихъ обоюдное желаніе и обручилъ, а потомъ отправилъ ее съ теткою въ домъ мой, въ бабушкѣ, прося покорнѣйше мать мою изготовить все нужное для такого случая; самъ же я остался при своемъ постѣ, а нареченный зять поѣхалъ къ себѣ въ домъ, состоящій въ Орловской губерніи, съ тѣмъ, чтобы въ назначенное время пріѣхать ко мнѣ».

«Къ большому моему утѣшенію я не долго оставался въ семъ затруднительномъ положеніи: г. войсковой атаманъ, Платовъ, въ 1806 году, марта 27-го числа, возвратился на Донъ въ Черкасскъ.¹⁾

¹⁾ Денисовъ занимать должность наказнаго атамана съ 8-го октября 1806 по 26-е марта 1806 года.

И донесъ ему о всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ и сдѣлавъ во всемъ вѣрный отчетъ, просилъ его объ увольненіи меня въ домъ и чтобы за время нахождения моего были мнѣ отпущены слѣдующія столовыя деньги. На первое Платовъ скоро согласился; касательно же денегъ, хотя я и убѣждалъ его моими представленіями, но получилъ рѣшительной отказъ и принужденнымъ нашелся кредиторовъ своихъ удовлетворить векселями. Я поспѣшилъ въ домъ мой, куда и прибылъ безъ всякаго приключенія. Скоро послѣ сего и полковникъ Егоровъ ко мнѣ пріѣхалъ, и какъ уже соглашеніе наше было сдѣлано и всѣ надобныя вещи были приготовлены, то непродолжительно и бракосочетаніе ихъ было исполнено.¹⁾

«Видя дочь мою въ такомъ пристроенномъ положеніи, я оставался болѣе уже свободнымъ заняться моимъ хозяйствомъ и потому располагался ѣхать по моимъ имѣніямъ, но, сверхъ чаянія моего, дочь моя сдѣлалась больна, чѣмъ и остановила меня въ моихъ намѣреніяхъ. Я никакъ не могъ принудить себя оставить ее при слабомъ здоровьи и былъ неразлучно съ нею, чрезъ что хотя и былъ въ затрудненіяхъ что лишаюсь я случаевъ улучшить мое состояніе, но находилъ и утѣшеніе, бывъ неразлучно съ дѣтьми».

«Вдругъ получаю отъ г. войсковаго атамана вторичное повелѣніе явиться къ нему для занятія того же наказнаго атамана поста, куда хотя съ большимъ сокрушеніемъ я явился и убѣдительноше его превосходительство просилъ—отъ сего, хотя, впрочемъ, многотитულიнаго поста, уволить меня, представляя, что ежели нельзя меня оставить свободнымъ хотя на годъ, то бы повелѣлъ ѣхать въ дѣйствующую армію, гдѣ я совершенно знаю мою должность и болѣе любезному моему отечеству могу быть полезнымъ, но всѣ мои убѣжденія не были уважены. При семъ разѣ просилъ я его, чтобы столовыя деньги мнѣ были выдаваемы, но и въ томъ мнѣ отказано было съ обнадеживаніемъ, впрочемъ, въ безгласныхъ, какихъ-то милостивыхъ награжденіяхъ. Я также

¹⁾ Иванъ Аванасьевичъ Егоровъ былъ одинъ изъ офицеровъ гатчинской команды гвардейскихъ донскихъ казаковъ; онъ, по примѣру другихъ товарищей своихъ, былъ пожалованъ императоромъ Павломъ I вотчиною въ 100 душъ крестьянъ въ Орловской губерніи; въ этой вотчинѣ и проживалъ Иванъ Аванасьевичъ до кончины своей, въ 1843 году.

просилъ, чтобы была мнѣ отведена земля сообразно тѣмъ (участкамъ), каковыя имѣютъ равные мнѣ генералы, въ чемъ хотя и не отказывалъ, но не столько чтобы уравнить меня и съ младшими генералами, а сколько земли дается нижнимъ чинамъ. По усиленному моему настаиванію Платовъ хотя и прибавилъ (земли), но весьма въ уменьшительномъ видѣ, какъ равные мнѣ имѣли оной. Не любя всегда спорить и жаловаться, а особо на моихъ начальниковъ, я остался и при томъ».

«Принявъ опять должность и вступивъ въ командованіе войскомъ донскимъ, скоро, по отбытіи войсковаго атамана, я получилъ обще ко всѣмъ сынамъ отечества написанный манифестъ, что Бонапартъ съ большими силами стремится вторгнуться въ любезное наше отечество, а потому, чтобы всѣ начальники, воины и каждый въ особенности членъ, были готовы къ отраженію онаго, и принесеніемъ изъ своего имѣнія жертвовали по возможности».

«Видя изъ манифеста важность предстоящей войны, немедленно предписалъ я по всему войску донскому, чтобы всѣ военные чиновники и казаки, отставные и подростки, могущіе переносить военные труды, изготовили бы себя всѣмъ нужнымъ къ выступленію противъ общаго врага, призвалъ все наше дворянство и тѣхъ изъ казаковъ, которые составляютъ часть торгующихъ въ г. Черкасскѣ, и предложилъ имъ собрать изъ свободнаго пожертвованія каждаго отъ себя часть суммы, нужной въ такомъ случаѣ. Они съ большимъ усердіемъ и охотою составили болѣе 100,000 рублей; о чемъ, какъ и о самомъ усердіи, я его императорскому величеству, когда слѣдовало, равно и г. войсковому атаману донесъ. Въмѣсто благодарности, г. атаманъ далъ мнѣ разумѣть, что онъ недоволенъ таковымъ моимъ дѣйствіемъ, но почему — не сказалъ, а послѣ уже я дознался, потому, что я не къ одному ему сдѣлалъ донесеніе».

«Видя, что злоба его и недоброжелательство ко мнѣ, хотя и никакой къ тому причины не подавалъ, не уменьшаются, а еще увеличиваются, и опасаясь, что въ нахожденіи моемъ наказнымъ атаманомъ, по обширности письменныхъ дѣлъ и въ особенности по хитрости непремѣннаго члена Курнакова, могу я быть невинно обвиненъ въ упущеніяхъ какихъ-нибудь по должности, я рѣшился отъ оной удалиться и просилъ государя императора, чтобы повелѣно было постъ наказнаго атамана занять другому,

а мнѣ бы позволено явиться въ дѣйствующую армію. Просьбу мою его императорское величество милостиво уважилъ, и г. генералу-лейтенанту Мартынову велѣно было принять атаманскій постъ, которому сдать всѣ дѣла 1807 г. января 30-го, отправился я, весьма при слабомъ здоровьи, въ домъ мой».¹⁾

«Здѣсь пробылъ я немного и, не приведя себя еще въ лучшее здоровье, отправился почтою въ дѣйствующую противъ Французовъ армію, тогда бывшую въ Пруссіи. Въ сей дорогѣ ничего не случилось, кромѣ что отъ Чернигова до расположенія арміи, которая стояла около рѣки Але (Алле), такой недостатокъ видѣлся въ хлѣбѣ, что въ самыхъ трактирахъ онаго для дороги нельзя было достать».

XIX.

Въ Пруссіи.—Участіе въ войнѣ съ Французами.—Бенингсенъ и Платовъ.—Дѣло при Гутштадтѣ.—Свиданіе съ Платовымъ послѣ Гутштадтскаго дѣла.—Графъ Строгановъ.—Дѣло при Пассаргѣ, Земерсфельдѣ, Аренсдорфѣ и Гейльсбергѣ.—Отступленіе къ Тильзиту.

1807.

«Приѣхавъ въ главную квартиру, явился я у главнокомандующаго г. Беникссона (Беннигсена), который зналъ меня прежде и весьма милостиво принялъ, и чрезъ дежурнаго генерала велѣлъ мнѣ сказать, что онъ знаетъ, что войсковою атаманъ Платовъ не съ лучшей стороны къ Денисовой фамиліи расположенъ, а потому, буде я пожелаю, то онъ дастъ мнѣ въ команду донскіе полки, въ отдѣльномъ корпусѣ находящіеся. Но какъ я всегда считалъ себя правымъ передъ моимъ начальникомъ, то разсудилъ, что лучше ѣхать къ нему прямо, дабы тѣмъ не дать ему повода къ большей ненависти, что и объяснилъ г. Беникссону. Онъ одобрилъ такое мнѣніе, увѣрилъ въ своемъ покровительствѣ и отправилъ меня къ атаману. Когда же я прибылъ къ Платову, то онъ меня принялъ съ довольнымъ уваженіемъ, изъ котораго однако же я видѣлъ, что мнѣ должно быть осторожнымъ. На другой день (Платовъ) объявилъ, что онъ мнѣ дастъ хорошій полкъ храбраго полковника Карпова, предъ тѣмъ незадолго убитаго въ сраженіи. Какъ въ это время одинъ офицеръ съ командою

¹⁾ Въ этотъ разъ Денисовъ исправлялъ должность атамана съ 20-го декабря 1806 по 30-е января 1807 года.

изъ онаго полка находился при немъ, Платовъ, то и привязано было ему явиться ко мнѣ въ команду. Ожидая терпѣливо, что я получу полкъ, и еще нѣсколько (времени) не видя онаго, между тѣмъ нерѣдко примѣчалъ я, что его превосходительство, атаманъ, находилъ случай въ разговорахъ своихъ мнѣ сдѣлать неприятность. Не любя ни насколько лести, я всегда безъ грубости отвѣчалъ ему съ должною благородному человеку стойкостью, а въ одинъ разъ, какъ помню, сказалъ ему откровенно, что его превосходительство не такъ разумѣетъ мой прїѣздъ въ армію, что я хочу быть его правою рукою и служить со всегдашнею моею честію и усердіемъ. Тогда онъ сказалъ:

— «Я въ томъ увѣренъ и дамъ вамъ три полка».

«Если вы хотите видѣть во всемъ блескѣ славу донскихъ казаковъ», сказалъ я, «то подчините мнѣ тридцать полковъ».

«Этимъ, какъ видно было изъ лица и словъ его, онъ былъ весьма доволенъ и при томъ сказалъ:

— «Я столько полковъ не имѣю, а при томъ и другіе генералы есть, которымъ также надобно вѣрить полки».

«Но все это не помогло мнѣ, и я болѣе мѣсяца прожилъ у него безъ всякой команды, въ которое время и наша армія оставалась безъ дѣйствія. Наконецъ, теряясь въ надеждѣ получить сколько-либо въ команду мою полковъ, я откровенно доложилъ г. атаману, что ѣду къ государю и буду просить объ увольненіи въ домъ.

— «Вѣрно потому, — сказалъ Платовъ, — что не видите у себя команды. Но я въ этомъ не виноватъ: я требовалъ полки изъ другихъ корпусовъ».

«И тутъ же своему письмоводителю приказалъ писать въ три полка повелѣніе, чтобъ оныя явились въ мою команду немедленно. На другой или третьей день оныя повелѣнія выполнены, а на завтра послѣ того получилъ я повелѣніе — слѣдовать впередъ, къ неприятелю. Платовъ также со всѣми полками своими, и вся армія двинулась къ укрѣпленному мѣстечку Гутштадту. Я шелъ съ тремя своими полками отдѣльно, по особой дорогѣ, къ назначенному пункту. Мѣстоположеніе, закрытое лѣсами, совершенно было мнѣ неизвѣстно; равно и полковые командиры едва мнѣ вѣдомы были по общему домашнему жилищу нашему, отчего я былъ почти на всякомъ шагѣ въ затрудненіи».

«По выступленіи въ сей походъ, на другой день — 24-го мая 1807 г., я подошелъ къ рѣкѣ Алле и нашелъ, что берега оной были такъ болотисты, что совершенно препятствовали переправѣ и, по всѣмъ развѣдываніямъ, отъ начальниковъ полковъ и казаковъ сдѣланнымъ, въ томъ мѣстѣ и близъ онаго удобной переправы не было. Тогда я, взявъ полковыхъ командировъ, поскакалъ самъ въ даль, по берегу рѣчки, дабы лучше оную разсмотрѣть. Одно мѣсто показалось намъ возможнымъ къ переправѣ, но оно было прикрыто нарочито сдѣланными отъ Французовъ шанцами, изъ которыхъ и движеніе войска нашего было Французами примѣчено».

«Разсуждая о моемъ положеніи, что буде я донесу что не имѣю возможности переправиться, а оная окажется по строгому разсужденію возможною, то я буду виноватъ и конечно претерплю несчастье,—рѣшилъ я занять шанцы штурмомъ и произвелъ сіе такъ: отобравъ изъ полковъ всѣхъ казаковъ, ружья имѣющихъ, которыхъ и нашлось около 150 человекъ, подчинилъ ихъ храброму полковому командиру, Василью Ефремову, съ нужнымъ числомъ офицеровъ, и приказалъ полкомъ сближаться къ рѣкѣ и стрѣлять въ шанцы, а 60-ти человекамъ, также при офицерахъ, выбравъ самыхъ храбрѣйшихъ, приказалъ, чтобы они, раздѣвшись до-нага, по данному знаку быстро переплывъ рѣчку, ударили бы на шанцы, съ одними дротивами, что и было съ отличнѣйшею храбростію и своростію исполнено въ точности».

«Храбрый полковой начальникъ Ефремовъ, безъ ордера, изъ одной храбрости и усердія, когда казаки кинулись въ воду, пустился за ними на быстромъ своемъ конѣ, который по добротѣ своей, хотя и съ большимъ затрудненіемъ, добился чрезъ болото до рѣки и чрезъ оную его перенесъ, но выходя изъ рѣки потонулъ въ болотѣ и не могъ болѣе идти. Тогда Ефремовъ крикнулъ на казаковъ, чтобы переплыли чрезъ рѣку и схвата за что можно лошадей тянули бы чрезъ болото на боку, а самъ пустился за нагими казаками, которые уже летѣли къ шанцамъ и, соединясь съ ними, завладѣлъ оными. При чемъ взято въ плѣнъ болѣе 10 Французовъ и столько же убито, а другіе, устрасая такого храбраго дѣйствія, бѣжали. Ободрясь симъ, я приказалъ выпесказаннымъ маѣромъ переправить лошади три или четыре и изслѣдовать близъ лежащій лѣсъ—какъ силенъ находится въ ономъ не-

пріятель? Самъ занялся разсмотрѣніемъ: не можетъ-ли тутъ быть переправа, но нашель, что за болотистыми берегами нельзя оной было сдѣлать».

«Въ эту минуту увидѣлъ я, что регулярной корпусъ въ той же рѣкѣ подшелъ и вѣрно имѣеть понтонной мостъ; послалъ одного офицера узнать о томъ и просить генерала того корпуса позволенія—впередъ мнѣ съ полками переправиться. Это былъ князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ, съ корпусомъ, которой весьма благосклонно на то согласился. Получа о томъ донесеніе, я поспѣшилъ, и когда пришелъ, то мостъ былъ уже готовъ, и я переправился и потянулся на-лѣво къ назначенному мнѣ мѣсту, куда прибывъ, послалъ къ войсковому атаману одного офицера съ словеснымъ обо всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ донесеніемъ и съ вопросомъ — что отъ него мнѣ велѣно будетъ далѣе дѣлать?»

«Въ это время, вправо отъ меня, за Гутштадтомъ, слышны были пушечные выстрѣлы, почему я видѣлъ, что сраженіе уже началось. Офицеръ мой возвратился и донесъ, что г. войсковой атаманъ дѣйствіями моими доволенъ и далѣе оставляетъ мнѣ на волю, по усмотрѣнію, производить оныя. Тогда, имѣя предъ собою большой лѣсъ, приказалъ я полеу Ефремова, рассыпавшись и занимая сколь можно болѣе мѣста, идти впередъ и нѣсколько на-право, и обо всемъ нужномъ мнѣ доносить, а съ остальными двумя полками, по маленькой дорожкѣ, потянулся за полкомъ Ефремова. Пройдя лѣсъ, мы шли чрезъ довольно обширную поляну, гдѣ и маленькая деревушка находилась, а подойдя къ другому лѣсу, прискакалъ ко мнѣ полковникъ Ефремовъ и донесъ, что недалеко находится изъ пѣхоты и конницы сильной непріятель. Тогда я Ефремову приказалъ, чтобъ онъ наблюдалъ за движеніемъ сего непріятели. И самъ я шелъ туда-жъ, и встрѣлъ въ ту-жъ минуту атаманской полкъ, бывший подъ командою графа Строганова, препровождающій сзади всего Горчаковскаго корпуса непріятельскій вагенбургъ, которой онъ (гр. Строгановъ) успѣлъ отрѣзать и плѣнить. Графъ Строгановъ¹⁾ весьма желалъ съ полкомъ онымъ ко мнѣ присоединиться, но по множеству повозокъ,

¹⁾ Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, тайный совѣтникъ, другъ дѣтства и юности Александра I—служилъ въ войну 1807 г. волонтеромъ въ арміи.

которые требовали большого прикрытія, не могъ. И такъ я двинулся съ одними моими тремя полками къ видимому непріятелю».

«Перейдя лѣсъ, я увидѣлъ непріятеля, стоящаго въ открытомъ полѣ, за широкою и довольно углубленною долиною; на пушечный выстрѣлъ отъ деревни къ Гутштадту стояла пѣхота на нѣкоторомъ возвышеніи при другой долині, въ линію обращенная къ Гутштадту, гдѣ часто раздавались пушечные выстрѣлы, а ко мнѣ флангомъ, примѣрно тысячи до полторы или болѣе. Въ деревнѣ видна была также пѣхота, но какъ за домами нельзя было усмотрѣть, то и не можно было исчислить оную глазомѣрно; но сколько могъ замѣтить, то она не составляла большого количества, а между тою и другою пѣхотою, на срединѣ, въ два отдѣленія, стояла колоннами конница, около тысячи человекъ. Осмотрѣвъ все сіе, я рѣшился атаковать всѣми тремя полками одну конную непріятельскую колонну, ближайшую къ пѣхотѣ, на возвышеніи стоявшую, полагая, что ежели она, будучи опрокинута, отступить къ пѣхотѣ, то въ такомъ случаѣ, не теряя времени, всѣ полки мои въ отрѣзъ ударятъ на другую, стоявшую ближе къ деревнѣ, колонну, и оную поразятъ».

«По сему моему плану отдавъ всѣ нужныя приказанія, я подтвердилъ, чтобъ оное мое распоряженіе внушено было каждому офицеру и казаку, и, не теряя минуты, двинулся впередъ. Прибывъ въ самой низъ долины, я нашелъ между имѣющимися тамъ небольшими кустарниками, какъ бы рукою человекъ сдѣланной, широкой ровъ, и довольно глубокой, чрезъ которой потребна большая осторожность переѣзжать конному. При видѣ сего я боялся, что, въ случаѣ неудачи, могутъ многія лошади при своромъ переѣздѣ упасть и попадутся въ руки непріятелю, почему и приказалъ нѣкоторымъ офицерамъ и на лучшихъ лошадяхъ казакамъ—въ рысь переѣзжать оной, для одной только пробы. Наконецъ и самъ тоже сдѣлалъ, и увидя, что возможно, хотя и съ затрудненіемъ, приказалъ полкамъ переходить и тутъ же устроилъ оные въ лаву. При этомъ случаѣ нѣсколько минутъ замедлилъ, а непріятельская конница, какъ примѣтно было, желая предупредить меня атакою, двинулась гораздо впередъ, и сама дала мнѣ удобнѣйшій случай атаковать оную, что я исполнилъ въ тотъ же моментъ и съ быстротою».

«Казакъ полетѣли на назначенную колонну, но, наскочавъ

въ самую близкую дистанцію, только огарнули (обхватили?) ее вокругъ, но не ударили какъ слѣдовало бы храбрымъ, однако же съ большою отважностію держались на тѣхъ мѣстахъ. Видя это, я бросился въ то мѣсто, гдѣ болѣе видѣлъ казаковъ, и крикнулъ: — «Ребята-молодцы, въ дротики!»

«Въ сей моментъ казаки, которые мало меня или вовсе не видали, какъ бы желали испытать меня, а усмотрѣвъ начальника своего между ими, съ отличнѣйшею храбрію врѣзались въ непріятельскую колонну, изъ которой навѣрное можно положить, что пятая часть упала, а остальные въ беспорядкѣ стремительно побѣжали, а казаки, казалось, каждый желалъ сколоть нѣсколько челоуѣвъ. Я въ эту минуту увидѣлъ, что другая колонна твердо еще и непоколебимо стояла на своемъ мѣстѣ и тутъ же примѣтилъ, что и она струсилла нашего дѣйствія, ибо имѣла хотя минутной, но, выгодной для себя, случай нанести намъ жестокой ударъ, когда мы были заняты первой колонной, и упустила оной. Я, заскакавъ въ средину гнавшихъ непріятеля казаковъ, большую часть оныхъ остановилъ и, указавъ на стоявшаго на мѣстѣ непріятеля, пустился со оными на него. Казаки всѣ исполняли приказанія мои въ точности и летѣли къ непріятелю какъ орлы, а непріятель, еще болѣе испугавшись такового дѣйствія, опроретью пустился бѣжать. Казаки врѣзались въ онаго, скакали за нимъ, и смѣшавшись съ нимъ, убивали Французовъ. Храбрый полковникъ Ефремовъ, всегда находясь впереди и давая примѣръ казакамъ, своеручно разилъ непріятеля безъ пощады. Непріятель, къ счастью нашему, бѣжалъ въ срединѣ между пѣхотою и деревнею, интерваломъ, отчего казаки и не такъ много потерпѣли, какъ бы это могло быть, но со всѣмъ тѣмъ многіе были ранены пулями, каковая участь постигла и храбраго полевого начальника, Степана Сулина, которой былъ раненъ пулею въ ногу, отъ которой раны, страдая нѣсколько недѣль, и померъ. Также и всѣ офицеры отличную храбрость въ семъ дѣлѣ показали, особо Агаповъ и Агѣевъ».

«Я, проскакавъ нѣсколько вмѣстѣ съ полками и уже поровнявшись съ пѣхотою, съ частью казаковъ возвратился и, немного отѣхавъ, принужденъ былъ отъ упадка силъ своихъ сойти съ лошади и лечь на землѣ, а полковникъ Ефремовъ продолжалъ гнаться, пока истребилъ обѣ колонны до основанія. Что французскія лошади весьма слабѣ нашихъ, то самое и плѣнные

казывали тѣмъ, что не болѣе какъ человекъ 15 или 20 спаслись. При семъ случаѣ взято въ плѣнъ: полковникъ, подполковникъ, два майора, три или четыре офицера и до 100 рядовыхъ, всѣ болѣе или менѣе раненые. Французскій генераль, бывшій тутъ же, упалъ отъ многихъ ранъ и хотя былъ живъ, но не могъ уже вѣхать за нами верхомъ, почему и былъ оставленъ на мѣстѣ живымъ. Полковникъ Ефремовъ, съ болѣею частію плѣнныхъ, принужденъ былъ объѣхать сказанную деревню, чтобъ возвратиться ко мнѣ, потому что въ интервалъ проѣзжать было уже опасно. Я обо всемъ этомъ дѣйствиі ту-же минуту донесъ г. войсковому атаману, при томъ приказалъ посланному доложить, что ежели онъ со всѣмъ корпусомъ своихъ войскъ прибудетъ на то мѣсто гдѣ я находился, то можно и болѣе нанести вредъ неприятелю, или чтобы онъ меня нѣсколькими полками усилилъ. Къ нему же, г. войсковому атаману, я и плѣнныхъ всѣхъ отправилъ. Также послалъ одного офицера въ главную армію, къ сражающимся впереди генераламъ, донести, что неприятель въ тылу не имѣетъ сильныхъ ресурсовъ. Всѣхъ сихъ моихъ дѣйствиі былъ очевидный свидѣтель — полковникъ аглицкой службы, Вильсонъ или Мильсонъ».¹⁾

•Собравъ всѣхъ моихъ казаковъ, увидѣлъ я, что конвоемъ плѣнныхъ и присмотромъ раненыхъ казаковъ я чувствительно мою бригаду ослабилъ, которая и безъ того не болѣе составляла какъ отъ 800 до 900 (человекъ), а неприятеля передъ собою видѣлъ — пѣхоту, и втрое сильнѣйшую. Къ тому же, самъ я находился въ большой разслабленности силъ и не могъ ничего болѣе предпринять, а ожидалъ прибытія сивурса и повелѣнія атамана Платова. Черезъ нѣсколько часовъ донесли мнѣ, что нѣсколько полковъ Платова корпуса сближаются ко мнѣ; по дальнѣйшей же выправкѣ, оказалось что это донесеніе несправедливо. Все сіе время я видѣлъ, что отъ стороны Гутштадта сильной неприятель, — пѣхота, — ретировался, будучи преслѣдуемъ нашею пѣхотою же, и когда оный приближался къ этой пѣхотѣ, которая противъ меня держалась, то наша пѣхота остановилась, а Французы соединились. Изнемогая отъ сильной слабости и вида, что

¹⁾ Изъ формулярнаго списка видно, что за дѣло при Гутштадтѣ Денисовъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени.

далеко удалился отъ своихъ, и что уже ночь сближается, я, безъ ордера, потянулся съ полками своими къ мѣсту нахождения г. войскового атамана. Я нашелъ его въ маленькомъ домикѣ и уже при свѣтѣ, что (то) писавшаго; на словахъ вкратцѣ донесъ о случившемся со мною, что я съ полками возвратился къ нему и испрашиваю приказанія—что мнѣ съ оними дѣлать. Его превосходительство видно весьма важною занятъ былъ бумагою, что на все ни одного слова мнѣ не сказалъ. Уважая, какъ начальника, я, въ молчаніи, въ отдалъ его сѣлъ на стулъ, въ которомъ положеніи и пробылъ болѣе получаса. Въ это время вошелъ въ ту же горницу графъ Строгановъ съ однимъ или двумя чиновниками и зачалъ докладывать войсковому атаману, что изъ плѣнныхъ, мною взятыхъ, есть одинъ или двое знатной фамиліи и что они говорятъ съ необычайною похвалою о храбрости тѣхъ казаковъ, которые имѣли съ ними дѣло».

«Тогда атаманъ Платовъ слабымъ голосомъ благодарилъ меня и поподчивалъ чаемъ, а ежели хочу и пуншемъ, на что я отвѣчалъ, что я весьма слабъ здоровьемъ, а потому и просилъ, чтобъ онъ рѣшилъ меня—что мнѣ съ полками дѣлать и что мнѣ покой необходимъ, каковымъ я, расположась съ полками, могу воспользоваться. И какъ онъ велѣлъ близъ корпуса его расположиться лагеремъ, то я, засвидѣтельствовавши ему низайшее почтеніе и вышелъ. Отдавъ приказъ полкамъ идти на мѣсто, самъ я по дорогѣ взшелъ на квартиру плѣннаго мною полковника, гдѣ нашелъ и подполковника и, поговоря съ ними немного въ утѣшеніе ихъ, поѣхалъ въ полки свои. Здѣсь, по усердію моихъ людей, нашелъ чай и казачью кашницу готовыми и, выпивши нѣсколько чаю, отдалъ приказъ, чтобы заботились о подерѣвленіи лошадей. Самъ, свернувшись, легъ на землѣ, но никакъ не могъ уснуть, чему причиною былъ болѣе раненый полковникъ Сулинъ, которой недалеко отъ меня былъ и стоналъ отъ необычайной боли ноги. Къ тому-жъ, скоро пополудни, непріятель, пробравшись лѣсомъ къ нашимъ пикетамъ, произвелъ по онимъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, отчего во всемъ корпусѣ произошла небольшая тревога».

«Съ наступленіемъ дня получилъ весь корпусъ повелѣніе—быть во всей готовности къ походу, а часа чрезъ полтора или два весь корпусъ двинулся впередъ и, пройдя версты три или

четыре, остановился. Во все это время слышны были на сторонѣ, гдѣ непріятель остановился, рѣдкіе пушечные выстрѣлы. Простоявъ немного, весь нашъ корпусъ скорымъ маршемъ двинулся впередъ, а мнѣ дано отъ г. войсковаго атамана дозволеніе вновь дѣйствовать по моему усмотрѣнію. Я дѣлалъ съ моими полками такое направленіе, чтобы зайти непріятелю въ тылъ — что отъ казачей службы больше и требуется. Достигая своей цѣли, я пришелъ къ рѣчкѣ Пасаргѣ, но нашелъ, что оная также имѣетъ берега, неудобные къ переходу чрезъ нея, что полагать надобно и Французы знали, ибо хотя многіе казачьи полки прибыли къ тому же мѣсту, куда и я пришелъ, но Французы, находящіеся по ту сторону рѣчки, весьма въ близкой отъ насъ дистанціи, (безъ) всякой особой осторожности спѣшили разными небольшими отдѣленіями къ своему корпусу, которой Россіяне тѣснили; наконецъ, даже и два эскадрона ихъ кавалеріи, шли, бывъ довольно удалены отъ другихъ войскъ ихъ. Видя такое препятствіе и какъ бы непріятельское къ намъ пренебреженіе, я рѣшился казачьимъ отважнымъ манеромъ ихъ проучить: приказалъ отъ 30-ти до 40 выбрать изъ полковъ храбрѣйшихъ казаковъ и, опредѣля къ каждому по пяти и болѣе пѣшихъ, съ двумя офицерами, чтобы были во всей готовности при берегѣ рѣчки, и какъ-будто просто стояли бы тамъ безъ всякаго военнаго намѣренія, чтобы непріятель не потревожился видя ихъ, но чтобы они, по данному отъ меня знаку, всѣ раздѣлись до рубахъ и съ лошадей снявъ сѣдло, одинъ бы на рукахъ переносилъ оное, а всѣ другіе вели лошадей, а которыя изъ нихъ загрузнуть въ тинѣ рѣчки и упадутъ, то чтобы таковыхъ тянули хотя бы на-боку; выпедши же на берегъ, въ минуту бы осѣдали лошадей и ближайшаго непріятели быстро бы атаковали; а самъ я замѣчалъ движеніе непріятели, и когда увидѣлъ, что одинъ эскадронъ, какъ бы нарочито, ближе другихъ къ намъ и въ довольноомъ разстояніи удалясь отъ всѣхъ шелъ, даль знать сему, приготовленному мною отряду, дѣйствовать. Офицеры и казаки исполнили все съ такою точностію и храбростію, что я прослезился отъ умиленія. Эскадронъ былъ опрокинутъ и навѣрное онъ половину людей своихъ потерялъ убитыми; плѣнными доставлено мнѣ пять или семь человекъ, не упомяну. Отрядъ сей возвратился ко мнѣ бывъ преслѣдуемъ сильнымъ непріателемъ, и какъ въ защиту моихъ мо-

лодцовъ въ нужныхъ мѣстахъ поставлены были стрѣльи, а для успѣшной переправы нужное число казаковъ, то, не потерявъ ни одного, всѣ они соединились со мною. Въ такомъ положеніи мы простояли остатокъ того дня и слѣдующую ночь.¹⁾

«На другой день вся россійская армія потянулась мимо Гутштадта къ Гейльсбергу. Непріятель, собравшись въ большихъ силахъ, слѣдовалъ за нами. Войсковой атаманъ Платовъ, съ казачьими полками, гдѣ и я находился, составлялъ арьергардъ. Часу въ десятомъ, девятомъ или одиннадцатомъ получилъ я повелѣніе — съ четырьмя казачьими полками идти назадъ, въ бою непріятелю, держать вправо и стать между французскою арміею и россійскимъ корпусомъ графа Каменскаго, слѣдуемымъ отъ Гданска на соединеніе съ нашею арміею. Достигнувъ назначеннаго пункта, я остановился въ глазахъ всей французской арміи, въ небольшой прѣкрасной рощицѣ, при деревняхъ Земерсфельдъ и Аренсдорфъ. Отсюда послалъ я, при одномъ урядникѣ съ небольшою командою, мой рапортъ его сіятельству графу Каменскому, донося ему обо всемъ, что нужно. Какъ казаки, всѣ вообще, не имѣли совершенно ничего съ собою хлѣба, то по необходимости приказалъ я взять въ ближайшихъ селеніяхъ штукъ нѣсколько коровъ, зарѣзать оныя и роздать казакамъ, чтобы мясо оныхъ, какъ не въ чемъ сварить, спекли на угольяхъ и подкрѣпили бы себя пищею».

«Съ захожденіемъ солнца посланная команда возвратилась и графъ Каменской увѣдомилъ меня, что онъ съ корпусомъ не въ опасности, что онъ надѣется въ приходящую ночь соединиться съ арміею и чтобы я также возвратился къ оной. Почему, дож-

¹⁾ Изъ «Исторіи Донскаго войска» — г. Броневскаго (часть II, стр. 174) видно, что «казаки генераль-маіора Денисова, несмотря на защищаемые артилеріею и пѣхотою окопы, и на болотистыя мѣста, переправились черезъ Алле вплавъ и, зашедъ въ тылъ непріятельской арміи, разогнали тамъ нѣсколько отрядовъ по гѣсамъ», а также, что въ этотъ и слѣдующіе дни (24-го и 25-го мая 1807 г.), Донскими казаками совершено при рѣкѣ Пасаргѣ нѣсколько отважныхъ подвиговъ: такъ полкъ Иловайскаго 9-го, переправясь черезъ Пасаргу, схватилъ непріятельскую пушку съ 76-ю артиллеристами; такъ, въ виду непріятельскихъ баталіоновъ, есаулъ Тараринъ перешелъ рѣку съ нѣсколькими удалцами, арканомъ вытащилъ изъ цѣпи 6 волтижеровъ и доставилъ ихъ на нашу сторону; такъ и маіоръ атаманскаго полка, Балабинъ, переплывъ съ 200 казаковъ черезъ Пасаргу и прокравшись въ тылъ Французовъ, подорвалъ у нихъ 46 палубъ, наполненныхъ гранатами и картечными снарядами. Ад Ч.

давъ ночи и полагая, что въ темнотѣ безопаснѣе могу пройти, ибо непріятельскіе отряды были уже впереди меня, я разложилъ нарочито большіе огни, пошелъ и на пути встрѣлся съ двумя небольшими командами французской кавалеріи, которыя, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ и не сдѣлавъ намъ вреда, бѣжали. Потомъ наѣхалъ я на передовые пикеты наши, казачьяго Селиванова полку, отъ которыхъ и узналъ прямую мою дорогу. Прибывъ къ тому отряду, я видѣлся съ начальникомъ онаго, генераломъ,—фамиліи его не упомяну,—гдѣ пробылъ немного. Хотя оный генералъ и просилъ у меня два полка въ подкрѣпленіе себѣ, но я, не видя въ томъ точной надобности, не далъ, предлагая ему, что ежели онъ знаетъ важнѣйшія обстоятельства этой надобности, болѣе важныя нежели какъ я вижу, то чтобы мнѣ объяснилъ, съ тѣмъ, что буде онѣ важны, то я останусь при томъ отрядѣ со всѣми четырьмя полками. Онъ на то не согласился, какъ полагать надобно не желая быть подъ ордеромъ моимъ, какъ старшаго. Тогда, раскланявшись съ нимъ, я потянулся далѣе къ арміи и, пройдя версты двѣ, для растаха остановился.

«На другой день, при восхожденіи солнца, были слышны ружейные выстрѣлы на передовыхъ постахъ того корпуса, почему и полагалъ я, что непріятель идетъ за нами. Для лучшаго уясненія послалъ офицера узнать вѣрнѣе о томъ и, не удаляясь отъ такъ важнаго случая, какъ полагалъ, что вѣрно произойдетъ сраженіе и, найдя лучший для лошадей кормъ, передвинулся для подкрѣпленія лошадей. Здѣсь я ожидалъ—что вышесказанный авангардъ предприметъ, генералъ котораго, соображаясь по обстоятельствамъ и видя конечно весьма сильнѣйшаго предъ собою непріятеля, положилъ отступить къ нашей арміи, почему и отправилъ напередъ къ оной свою артилерію. Я послалъ также узнать о мѣстѣ нахождения атамана Платова и всей нашей арміи, а на ведущей къ авангарду отъ арміи большой дорогѣ поставилъ противу полковъ пикетъ, съ тѣмъ, чтобы извѣстилъ меня ежели будетъ ѣхать по оной изъ арміи кто изъ генераловъ».

«Ружейная пальба усиливалась; около половины дня пикетъ, поставленной на дорогѣ, извѣстилъ меня—что нѣсколько генераловъ ѣдутъ впередъ, къ которымъ я и послѣшилъ и нашелъ оныхъ остановившихся и всѣхъ мнѣ незнакомыхъ, рассуждающихъ о будущемъ сраженіи. Какъ на мнѣ была простая куртка,

которая прикрывала всѣ знаки отличія, имѣющіеся у меня, то они меня сочли не болѣе какъ какаго-либо казачьяго офицера. Какъ я, слыша ихъ сужденіе, объяснилъ имъ и мое заключеніе, то при семъ случаѣ они спрашивали другъ у друга на французскомъ языкѣ: кто я таковъ? Слыша то, я имъ объявилъ о себѣ и просилъ мнѣ показать того генерала, которой командуетъ передовымъ корпусомъ; они мнѣ сказали, что командуетъ генералъ Львовъ, которой сюда ѣдетъ и скоро сюда долженъ быть. Почему я и поѣхалъ искать онаго, съ которымъ скоро встрѣлся и нашелъ въ немъ давно мнѣ знакомаго, а какъ онъ былъ старшій, то я ему объяснилъ — по какому случаю я тутъ нахожусь, и что ежели могу я быть полезенъ въ начинающемся сраженіи, то чтобы указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ я долженъ находиться. Львовъ, благодаря меня за сіе, приказалъ, чтобы я находился съ полками своими на самомъ краю съ праваго фланга. Получивъ сіе повелѣніе, я поѣхалъ къ моимъ полкамъ, приказалъ онымъ изготovitъся и при семъ разѣ увидѣлъ уже во многихъ мѣстахъ скачущихъ казаковъ, тѣснимыхъ непріателемъ, и поспѣшно отступающій нашъ авангардъ.

•Я также съ полками моими отступилъ и сталъ на одной выгодной для конницы равнинѣ, въ ордеръ-баталіи. Непритель наступалъ скорымъ маршемъ и сильная кавалерія шла прямо ко мнѣ. Въ ту-же минуту, вправо отъ меня, я увидѣлъ во множествѣ скачущихъ казаковъ: угадывая, что то казачьи полки, находящіеся на аванпостахъ, я послалъ къ начальникамъ оныхъ офицера, съ приказаніемъ, что бы всѣ они явились подъ мою команду. Всѣхъ таковыхъ нашлось до пяти, хотя весьма неполныхъ, полковъ, изъ которыхъ состава въ видѣ сивурса отдѣльную линію и не теряя времени, я атаковалъ непріятельскую кавалерію, которая ко мнѣ уже сближалась: всю кавалерію сію опровинувъ, гналъ ее до находящагося, въ тылу ихъ, возвышеннаго мѣста (какъ бы небольшой горки), которое было все покрыто лѣсомъ. Тутъ я узналъ, что на семъ возвышеніи, въ лѣсу, оставленъ былъ нашъ пѣхотной егерскій полкъ, подъ командою полковника Змѣева, которому я и послалъ сказать, чтобы онъ, какъ уже отрѣзанъ отъ російской арміи, спѣшилъ бы лѣсомъ удалиться во флангъ и поскорѣе бы присоединился къ арміи. Казаки же, по сильному французской артилеріи дѣйствию, не могли держаться, да и свѣ-

жая ихъ конница, подоспѣвъ на помощь къ гонимой нами и опрокинувъ мои полки, въ свою очередь оныя гнала. Проскакавъ нѣсколько, и не болѣе версты, я успѣлъ остановить свои полки. Полковникъ Ефремовъ, по отличной его храбрости, съ своимъ полкомъ гналъ непріятеля далѣе всѣхъ другихъ и даже проскакалъ сказанное возвышенное мѣсто, такъ, что принужденъ былъ, принявши въ бою, уже чрезъ лѣсъ возвратиться ко мнѣ. Когда я собралъ всѣхъ своихъ казаковъ и привелъ ихъ въ должной порядокъ, вижу, что соединившіеся и умножившіеся Французы сближаются ко мнѣ; тогда я атаковалъ оныхъ въ другой разъ и, опять опрокинувъ, гналъ до прежняго пункта. При семъ случаѣ мы отбили двѣ пушки».

«По вышесказаннымъ сильнымъ дѣйствіямъ французской артилеріи, мы не могли далѣе преслѣдовать непріятельскую кавалерію, не могли даже увезти и отбитыхъ пушекъ, и остались на мѣстѣ, а потомъ насъ гнали какъ и прежде. Въ семъ случаѣ, со всею должною признательностію и откровенностію долженъ сказать, что полковые командиры, офицеры и рядовые казаки оказали отличную храбрость, а Ефремовъ успѣлъ тожъ сдѣлать, какъ и прежде, за что благодаря его, я однако счелъ нужнымъ приказать, что бы онъ старался, подавая примѣръ храбрости, равняться съ другими полками. Отретировавшись къ поставленному мною на всякій случай подерѣвленію, я еще три раза атаковалъ ту же кавалерію, которая, хотя въ пять разъ была противу полковъ, подъ мою команду состоящихъ, сильнѣе, но всегда, по храбрости казачьей, была опрокинута. Мѣсто, на которомъ полки, подъ мою команду бывшіе, дѣйствовали, отдѣлено болотистымъ и заросшимъ лѣсомъ, и какъ я оставался безъ всякаго другого подерѣвленія, а непріятель всегда усиливалъ свои войска, то принужденъ я былъ податься назадъ, и, перейдя одинъ весьма малой, но нѣсколько болотистой, ручей, близъ онаго на возвышеніи сталъ, въ прежнемъ порядкѣ. Послалъ еще дознать—гдѣ егерскій полкъ, бывшій, какъ сказано выше, въ лѣсу и велѣлъ сказать начальнику онаго, чтобъ непременно ретировался лѣсомъ, ежели еще тамъ находится. Французская кавалерія оставалась въ своей позиціи. При семъ случаѣ, хотя я не могъ видѣть дѣйствія всей нашей арміи, за высокимъ лѣсомъ, въ самой близкой дистанціи отъ меня находящейся, но

по вликамъ и звукамъ пушечной пальбы понималъ, что происходитъ сраженіе весьма упорное, а потому отрядилъ къ оной три казачьи полка, съ тѣмъ, что бы они явились къ первому встрѣтившемуся съ ними генералу и дѣйствовали бы по приказаніямъ старшихъ. Самъ я остался и замѣчалъ за дѣйствіемъ находящейся противъ меня кавалеріи. Вдругъ, въ крайнему моему удивленію и даже недоразумѣнію, вижу, что двѣ части кавалеріи, не болѣе какъ 2 эскадрона, отдѣльно одинъ отъ другого, съ большою смѣлостію подошли къ сказанному маленькому ручью, который былъ отъ насъ на вѣрной ружейной выстрѣль. Я былъ весьма въ недоумѣніи, что оныя предпринимаютъ, какъ услышалъ, что казаки, указывая на оныхъ, довольно громко повторяли: «латники! латники!» Взглянувъ внимательнѣе, я увидѣлъ, что это кирасиры, покрытые желѣзомъ. Тутъ я понялъ, что они предпринимаютъ дерзкое намѣреніе врѣзаться въ казачьи полки и разстроить оныя. Не теряя времени я приказалъ Ефремову—съ его и съ другимъ полкомъ, когда кирасиры перейдутъ ручей, отрѣзать ихъ отъ онаго, а другимъ двумъ полкамъ приказалъ ударить въ лицо. Со всею моею поспѣшностію не могъ я еще успѣть мое распоряженіе привести въ порядокъ, какъ тѣ кирасирскіе эскадроны, перейдя ручей, въ разсыпную стремительно пустились на насъ и въ минуту врѣзались въ казачьи полки, но ни опровинуть, ни разстроить оныхъ не успѣли, хотя и сдѣлали большое замѣшательство. Казаки съ отмѣнною храбростію били ихъ въ дротики, но дротики, одни ломались, а другіе гнулись. Я сказалъ всюду гдѣ надобность показывала быть моему присутствію, и подвергалъ себя большой опасности, что ежели бы не доброй слуга,—собственной мой человекъ Василій Яковлевъ,—то я бы неминуемо былъ палашами заволонъ или изрубленъ. Казаки, видя вѣрность кирасирскаго одѣянія, сбивали съ головъ ихъ дротиками шишаки, а послѣ того, били въ открытые головы и сбивали съ лошадей. Кирасиры, видя свою неудачу, опроретью скакали назадъ, а казаки, преслѣдуя по возможности, оныхъ убивали. Изъ сихъ непобѣдимыхъ всадниковъ менѣе третьей части ушли, а всѣ прочіе пали на мѣстѣ».¹⁾

¹⁾ «Генералъ-маіоръ Денисовъ, 29-го мая 1807 г., въ соединеніи съ регулярною кавалеріею, не разъ встрѣчался съ французскими кирасирами и всегда находилъ средство узвѣить ихъ. Какъ скоро сіи тяжелые всадники по какому-

«Французы, несмотря на то, что были гонимы нами, и что столько потеряли своихъ, увидя, что остатокъ егерскаго полка нашего бѣжить въ безпорядкѣ изъ лѣса, прежде мною связаннаго, напали на егерей и нѣсколько успѣли поразить, а послѣ сего и вся кавалерія, бывшая противъ меня, въ стройномъ порядкѣ придвигалась ближе и ближе; лѣсъ-же, отдѣляющій меня отъ арміи, занимала пѣхота. Когда я подался назадъ и, обойдя оной лѣсъ, двинулся къ арміи, и когда къ фронту оной сближался, прискакалъ одинъ или два (не упомню), прусской кавалеріи полка (помнится драгунскіе), подъ командою одного генерала,— котораго фамилію запомнилъ, но онъ былъ хорошаго росту, рябоватъ, продолговатаго лица, носъ большой имѣлъ, и на ономъ старой, какъ бы отъ раны, шрамъ,—съ которымъ я увидѣлся, и какъ его превосходительство говорилъ по-французски, то мы и условились атаковать вмѣстѣ стоящую предъ нами кавалерію—что въ минуту и произвели».

«Храбрость прусскихъ полковъ и нашихъ казаковъ взяла поверхность надъ многочисленною непріятельскою кавалерією, которую въ минуту мы опрокинули, смѣшали и погнали въ безпорядкѣ, но не долго, потому что пѣхота, зашедшая въ лѣсъ, къ которому казаки справа уже примыкали, производила сильную стрѣльбу, чѣмъ и остановила насъ. Отретировавшись на прежнее мѣсто, въ порядкѣ, мы остановились; тогда еще я видѣлся съ генераломъ прусскимъ, рассказалъ ему мое мнѣніе, что ежели бы не французская пѣхота удержала казаковъ, то непріятель былъ бы пораженъ гораздо сильнѣе, и предлагалъ ему занять мѣсто ближе къ лѣсу, а я бы сталъ съ казаками на его мѣсто, и тогда мы въ другой разъ бы атаковали, представляя ему, что регулярные могутъ лучше выдержать огонь, производимый непріателемъ, но онъ на сіе не согласился. Однако совѣтовалъ мнѣ учинить общую, подобную первой, атаку—что хотя и было сдѣлано, но весьма уже слабо, и только нѣсколько, самые передовые французскіе посты, были опрокинуты. Мы ретировались опять къ прежнему пункту, а Французы отступили назадъ; прусскіе

нибудь случаю приходили въ разстройство, они тотчасъ дѣлались жертвою казаковъ. Сія неповоротливые кавалеристы, слабо держащіеся въ сѣдлѣ, отъ удара пика, какъ бездушные трупы, валялись на землю». («Истор. Донскаго войска» — г. Броневскаго, часть II, стр. 175). Ал. Ч.

полки также двинулись ближе къ центру арміи. Я съ полками оставался на своемъ мѣстѣ, но весьма немного, потому что французская артилерія катала насъ ядрами и брандсугелями, градомъ, отчего я приказалъ казакамъ рассыпаться и отступать. Будучи въ этомъ положеніи, когда уже совершенно настигла ночь, увидѣлъ я прибывшаго къ намъ войскового атамана Платова, въ какомъ положеніи мы и еще отступили и когда уже не слышно было никакого бою, то и остановились».

«Простоявъ въ семъ положеніи ночь, на разсвѣтѣ дня мы увидѣли, что французская армія немного далѣе пушечнаго выстрѣла отъ насъ находится».

«Скоро, по восхожденіи солнца, войсковою атаманъ Платовъ приказалъ мнѣ съ 3-мя казачьими полками идти въ лѣвому непріятельскому флангу и недалеко отъ онаго назначить пунктъ гдѣ остановиться. При семъ разѣ я осмѣлился его превосходительству доложить:

— «Разѣ приказано начать сраженіе?»

— Нѣтъ; но этотъ пунктъ надобно занять.

— «Французы никакъ того не потерпятъ и, по приходѣ моемъ, конечно, въ минуту меня атакуютъ»,—доложилъ я съ почтеніемъ.

«Атаманъ ничего на это не сказалъ; тогда сѣвъ на лошадь, двинулся я съ полками. Французы, увидя насъ, приближавшихся и остановившихся, двинули противъ насъ большой отрядъ, болѣе изъ пѣхоты составленной. Видя превосходство непріятеля, я началъ шагомъ отступать, а они меня преслѣдовать. Въ такомъ положеніи я дошелъ до одного ручья, которой не всюду можно свободно переѣхать; отъ ручья сего находился и самъ атаманъ Платовъ не въ дальнемъ разстояніи. Тутъ получилъ я отъ него приказаніе — не переходя оный ручей съ полками, держаться, и хотя разумѣлъ я, что отважность его превосходительства чрезчуръ велика, но, исполняя въ точности повелѣніе моего начальника, съ полками остановился и, призвавъ полковыхъ командировъ, объявилъ имъ оное повелѣніе. При томъ рѣшилъ ихъ тѣмъ, что какъ не имѣемъ мы артилеріи, а у непріятеля насчитывали оной до 10-ти или болѣе пушекъ, то я за лучшее считаю самимъ намъ атаковать Французовъ, что и они, хотя видѣли невозможнымъ побѣдить непріятеля, за лучшее почли».

«Непріятель, подходя къ ручью, отрядилъ до 1,000 человекъ

пѣхоты въ лѣсъ, которыми она могла зайти мнѣ во флангъ, а половина того числа пѣхоты оставалась на открытомъ полѣ, съ артилерією, и до 200 или 300 кавалеріи. Не зная — что въ такомъ положеніи дѣлать и вида, что ежели мнѣ всѣми полками ударить на непріятеля, стоявшаго на открытомъ полѣ, то бывшая въ лѣсу пѣхота нанесетъ казакамъ большой вредъ, а самъ непріятель едва-ли что можетъ потерпѣть, приказалъ я храброму полковнику Ефремову съ полкомъ его ударить на непріятеля, на полѣ стоявшаго, а полковнику Астахову — стать съ своимъ полкомъ лавою, противъ лѣса. Съ третьимъ полкомъ остался я самъ, въ резервъ, дабы, въ случаѣ гдѣ нужда потребуетъ, дать помощь. Сіи два полка двинулись по назначенію. Непріятельская кавалерія, вѣроятно разумѣя намѣреніе наше и пренебрегая нашимъ малолюдствомъ, фронтомъ двинулась впередъ, чѣмъ Ефремовъ воспользовавшись, атаковалъ ее, смаялъ, опровернулъ и гналъ за пѣхоту. Казаки Ефремова такъ увлеклись храбростью, что при-нуждены были разными дорожками и поодиночѣмъ возвращаться къ своему мѣсту, обскакивая пѣхоту непріятельскую. Въ тожъ самое время, находящаяся въ лѣсу противъ Астахова полка непріятельская пѣхота, фронтомъ выходила изъ лѣсу и, какъ только выдвинулась на чистое поле, то полковникъ Астаховъ пустился съ полкомъ въ атаку на оную, а Французы, не дожидаясь ихъ удара, вбѣжали въ лѣсъ. Видя все сіе, не постигалъ я — какимъ образомъ остаюсь побѣдителемъ, разумѣя, что при всѣхъ моихъ распоряженіяхъ нельзя было ожидать и малѣйшей надъ непріателемъ поверхности. Ясно видѣлъ я, что сіе произошло отъ единой благодати Всевышняго Творца къ намъ, милосердіе котораго и во всю жизнь мою, при важныхъ случаяхъ, управляло мною; за что, слезши съ коня и упавъ на колѣни, приносилъ предъ Всевышнимъ Творцомъ мою благодарность и молилъ его вести меня къ дальнѣйшимъ добрымъ дѣланіямъ».

«Г. войсковою атаманъ все сіе лично видѣлъ и, въ самое критическое дѣйствіе моихъ полковъ, велѣлъ нѣсколькимъ другимъ казачьимъ полкамъ скакать къ мѣсту сраженія влѣво отъ меня, какъ бы во флангъ непріятелю, а зятя своего, Харитонова,¹⁾

¹⁾ Полковникъ (впослѣдствіи генералъ-маіоръ), Константинъ Ивановичъ Харитоновъ, былъ женатъ на старшей дочери атамана Платова, Аннѣ Матвѣевнѣ.

прислалъ меня словесно благодарить. Послѣ сего непріятель въ порядѣ отступилъ, а мнѣ вѣдно было—оставаться на томъ же мѣстѣ до дальнѣйшаго повелѣнія».

«Скоро пополудни узналъ я, что армія наша чрезъ Гейльсбергъ отступаетъ. Тогда я послалъ спросить у атамана — что мнѣ должно дѣлать, но, конечно, за темнотою ночи посланные отъ меня не нашли его. Какъ уже заря занялась, аванпосты мои донесли, что непріятельская армія двинулась впередъ и посланные увѣдомили, что чрезъ Гейльсбергъ, по мосту, никакъ невозможно отъ тѣсноты пройти, а посланные осмотрѣть рѣку Алде—нѣтъ-ли гдѣ по ней бродовъ,—дали знать, что одинъ, хотя и весьма неудобной, найдень, къ которому я и потянулся, уже когда разсвѣлось. Перейдя рѣку, я принуждёнъ былъ дать на одинъ часъ растахъ полкамъ, потому что, прошедши трое сутокъ, были лошади голодны, почти ничего не ѣвши. Я послалъ отыскивать, гдѣ слѣдуетъ, нашу армію и моего начальника и, по возвращеніи посланныхъ, поспѣшилъ соединиться съ атаманомъ Платовымъ. За всѣ сіи дѣйствія мои при Гейльсбергѣ получилъ я золотую саблю, алмазами украшенную, съ надписью: «за храбрость».¹⁾

«Бывъ при своемъ начальникѣ, я много успокоился и, хотя весь день находились мы на маршѣ, но никакой встрѣчи, насъ затрудняющей, мы не видѣли. На другой день мы также спокойно слѣдовали за арміею; какъ вдругъ услышали впереди насъ сильную пушечную стрѣльбу при Фридландѣ, куда атаманъ Платовъ со всѣмъ своимъ корпусомъ поспѣшилъ скорымъ маршемъ, и куда прибывъ, мы увидѣли, что вся наша армія сильно сражается. Генералъ Платовъ пошелъ впередъ. Минуя нашу армію, въ самой близкой отъ ней дистанціи и на виду оной, увидѣли мы, что небольшія разныя французскія команды какъ бы стремятся зайти намъ впередъ, противъ которыхъ тотчасъ и были посланы казаки, и хотя оныя остановили Французовъ, но не могли ихъ опровернуть, потому, что за рѣкою нельзя было посланныхъ казаковъ усилить бѣльшимъ отрядомъ».

«Армія наша по долгомъ сраженіи отступила по той же до-

¹⁾ Дѣла при Земерсфельдѣ, Аренсдорфѣ и Гейльсбергѣ 28-го . 29-го мая 1807 г. Денисовъ въ запискахъ своихъ называетъ послѣдній городъ Гейльсбергомъ, Эльсбергомъ и Эсбельромъ.

рогѣ, по которой мы шли, и дойдя до одного мѣстечка, которое я запомнилъ (т. е. котораго забылъ названіе), и взявъ небольшой роздыхъ, рано на зарѣ отступила далѣе по дорогѣ къ Тильзиту. Тутъ г. Платовъ съ корпусомъ своимъ остался въ арьергардѣ и хотя отступалъ повсюду, гдѣ нужно было самъ успѣвалъ быть и храбро отражалъ непріятеля, которой за ними стрѣмился».

«При семъ случаѣ разсматривая движенія непріятеля, я искалъ возможность нанести непріятелю вредъ, для чего приказалъ полковнику Ефремову осмотрѣть замѣченное мною мѣсто; куда онъ съ двумя казаками и поскакалъ. И примѣтивъ одного французскаго всадника, нѣсколько отдалившагося отъ своего фронта и стоящаго въ задумчивости, стремительно ринулся на него одинъ и, подскакавъ, схватилъ за поводъ лошадь того всадника и требовалъ прощенья, а тотъ, конечно, испужавшись нечаянному налету, молча поѣхалъ за Ефремовымъ. Это былъ французской майоръ, который мнѣ признался, что онъ не понимаетъ—какимъ образомъ въ плѣну, потому, что онъ былъ среди своего батальона, которымъ командуетъ».

«Черезъ весь тотъ день всѣ казачьи полки имѣли небольшія спшибки съ непріятелемъ, но принуждены были отступать; на другой и третій день мы имѣли такую же участь какъ равно 3-го іюня 1807 г. при Эйлау, 4-го іюня при рѣкѣ Прегель и до самаго Тильзита. Такое положеніе, какъ для насъ, такъ и для лошадей нашихъ, (было) весьма утомительно; но со всѣмъ тѣмъ всѣ вообще казачьи полки исполняли свою обязанность въ такой точности, что непріятель не осмѣливался ихъ сильно атаковать и отражалъ насъ артилеріею».

«Господинъ войсковой атаманъ (Платовъ) можно почти сказать не сходилъ съ лошади и гдѣ нужда требовала всегда безъ упущенія времени тамъ являлся. При семъ должностью почитаю, отдавая всю справедливость казакамъ (сказать), что въ одинъ день, когда непріятель сильнымъ наступленіемъ принудилъ нѣкоторые полки отступать рысью, сильной отрядъ съ артилеріею поскакалъ прямо на мою бригаду. Видя это и опасаясь, чтобъ непріятель не обратилъ казаковъ въ бѣгство, чѣмъ бы могъ сдѣлать замѣшательство и всему нашему корпусу, я приказалъ Астахову полку двинуться налѣво въ находящійся тутъ рѣдкой лѣсъ,

дабы таковою диверсією остановить непріятеля. Непріятель, видя то, остановилъ пушки и началъ изъ оныхъ по этому полку палить и первыми выстрѣлами было убито въ немъ вдругъ до десяти лошадей или болѣе—не упомню; но онъ полкъ, не оказавъ ни малѣйшей трусости и не сдѣлавъ замѣпательства, въ молчаніи оставался на мѣстѣ и тѣмъ непріятель былъ остановленъ. Тогда я, отступя нѣсколько далѣе, приказалъ слѣдовать ко мнѣ одному полку».

«Весь корпусъ генерала Платова подошелъ къ городу Тильзиту тогда уже, когда вся російская армія чрезъ рѣку Нѣманъ, тутъ протекающую, по мосту перешла, что и нашъ корпусъ, не останавливаясь, сдѣлалъ и мостъ прекрасно на нарочито сдѣланныхъ для того судахъ (устроенный), былъ зажженъ. Перейдя рѣку, на правомъ берегу, близъ оной господинъ Платовъ расположилъ свой корпусъ».

«Въ тотъ же день явились французскіе парламентары и (своро) заключенъ былъ миръ».¹⁾

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сообщ. Ад. П. Чеботаревъ.

¹⁾ За отличія въ этой войнѣ А. К. Денисовъ награжденъ отъ короля прусскаго орденами—Краснаго Орла и pour le mérite.